

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЗДАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО: БИОГРАФИЯ ПОЭТА, ПРИМИТИВИСТСКАЯ ПОЭЗИЯ, ФОТОГРАФИЯ

А.В. Леухина

Статья эта посвящена поэту-примитивисту Олегу Григорьеву. Биография Олега Евгеньевича Григорьева продолжает строиться (о нем известно не так много). В основном сведения можно получить из воспоминаний современников, но это обрывочные факты, случаи из жизни, легенды (к примеру, существует несколько версий обстоятельств его ареста). Вокруг Григорьева формируется образ жертвы режима и проклятого поэта. В своем творчестве он создал такую же интересную и необычную картину мира, как и его личность. Его называют люмпенизированным, спившимся, уличным россиянином. Его культура, – действительно, культура кухонь и улиц.

Одна из попыток представить биографию Григорьева – книга «Птица в клетке» издательства Ивана Лимбаха, в которую помещены не только поэзия и проза Григорьева и предисловие Михаила Яснова (в нем описан жизненный и творческий путь автора), но и ряд художественных фотографий. Фотографии эти, с одной стороны, запечатлели труппы, жизнь социальных низов: перед нами кое-как одетые дети на фоне заборов и дворов-колодцев, курящие подростки, разрушенные памятники, алкоголики, распростершиеся на фоне демонстраций, советской символики, обваливающиеся стены, респетки, бродяги в утреннем свете, коммуналки с их выдавшими жизнь обитателями... Но, с другой стороны, этот быт эстетизируется, становясь произведением искусства.

Читатель, увидевший подобные снимки впервые, может испытать эстетический шок. Такую реакцию вызывают и тексты Олега Григорьева. Книга эта являет собой художественное целое, объединяя документальные сведения, художественные произведения и фотографии как иллюстрации и к жизни, и к творчеству поэта. И в фотографиях, помещенных в книгу, и в творчестве Григорьева прослеживается один художественный стиль: петербургский, точнее ленинградский, своеобразие которого, прежде всего, определяет исторический момент – общая маргинальность пространства Ленинграда после перемещения столицы в Москву. Примитивизм многих ленинградских авторов можно рассматривать как следствие этой маргинализации. Появление «косноязычного героя» в структуре петербургского мифа спровоцировано конфликтом: это и глобальный конфликт европейца (европейского сознания) в азиатской стране, и внутренний конфликт: оппозиционность советской культуре с ее приятием исключительно высокого.

Официальные фотографы охотно снимали Ленинград: Биржу, Марсово поле, классические ансамбли, или же Ленинград социалистический – Московский проспект, Выборгскую сторону. Но существовал еще и другой ленинградский фотопейзаж: мрачная, угрюмая красота заброшенного города. То же происходило и с поэзией. В частности, на фоне официальной поэзии 60-80-х годов, в основном пафосной лирической поэзии, стихи Григорьева не претендуют на что-либо серьезное, это скорее антилитература.

Поставил жене синяк.

Без всякого повода – просто так! [Григорьев. С. 181]

Его художественная стратегия разрушала конвенции «официального» профессионального творчества своим явным отличием от них. Частыми персонажами Григорьева становятся «униженные и оскорбленные» социальные изгои — умалишенные, больные, преступники, жители трущоб, ханыги, наркоманы, садисты, мазохисты и прочие вычеркиваемые из общества типы.

Растворил я жену в кислоте...

Вот бы по кайфу зажили...

Да дети пошли не те –

Взяли да заложили. [Григорьев. С. 184]

Григорьев, действительно, сам прошел через многое: психиатрическая больница, тюрьма, образ жизни его приближался к существованию бомжа – можно сказать, что стихи его предельно субъективные, личные, пережитые:

На Невском встретил я друга,

Он как бы пахал без плуга [Григорьев. С. 167],

даже напоминают дневниковые заметки:

О друге нет и помина,

В углах одна паутина. [Григорьев. С. 188].

В его текстах чрезвычайно много «Я», что вновь вызывает сомнения: чье это «Я», и когда он пишет, например,

Вышел я на свободу,

Отсидел ровно пять.

Приходят знакомые вроде,

А не хотят признать. [Григорьев. С. 211],

то читатель это может воспринимать, как произошедшее именно с автором. Но примитивистская субъектная организация максимально сближает авторский голос и голос лирического «Я», в связи с чем трудно бывает отделить их. У Григорьева (несмотря на несомненную долю автобиографизма) субъект высказывания и действия в стихотворениях - не сам автор, а сознание, которое имитирует примитивист Григорьев.

Симулянул дурака сдуру,

Тридцать рублей пенсия.

Сижу и взбалтываю политуру,
Эх, и крутая суспензия! [Григорьев. С. 199]

Герой Григорьева часто оказывается страдательным субъектом, все, что он описывает - пережито им. Иногда создается впечатление, что он специально навлекает на себя эти трудности.

Я шел и рассказывал всем прохожим,
Как вчера ни за что получил по роже.
Пока один из прохожих
Не треснул по роже тоже. [Григорьев. С. 165]

Пойти налево надо бы,
А я пошел направо –
Ударился о надолбу,
Упал на дно канавы. [Григорьев. С. 167]

Это касается не только его героев, но и его поведения в жизни, что нельзя оставить без внимания, анализируя его творчество. Нередко то, что происходило с Григорьевым, превращалось в легенды (вообще его биография состоит больше из легенд, чем из реальных фактов): примерно в 90-м году два молодых художника в состоянии похмелья решили открыть бутылку водки прямо на улице Марата. К ним подошел человек, залитый кровью, представился как поэт Олег Григорьев и сказал, что ему нужно опохмелиться. Художники не отказали, но щека его была распорота ножом от скулы до подбородка, и водка сквозь дыру в щеке проливалась на шею и на пальто. Зрелище впечатляющее и жуткое одновременно, даже карнавальное и вполне могло бы послужить зарисовкой к одному из григорьевских стихотворений. «Легендарная» биография Григорьева чем-то напоминает биографию Диогена, про которого так же складывали легенды: существует пять различных версий смерти Диогена, а события его жизни превратились в самостоятельные истории. Сознание людей, подобных Григорьеву, не принимает моральных, социально-политических установок общества, основанного на угнетении личности, и взгляд его обращен к человеку социального низа. Прошлый век тоталитарных систем дал обширный материал для размышлений на эту тему, который был освоен, пожалуй, всеми видами искусства.

С бритой головою,
В форме полосатой,
Коммунизм я строю
Ломом и лопатой. [Григорьев. С. 209]

Официальная литература и фотография изображала жителей города такими, какими их хотело видеть партийное начальство – бодрыми, довольными, поражающими

высокой производительностью своего труда. Они заполняли страницы ленинградских газет и журналов. А новые фотографии и поэты, писатели начали изображать реальную жизнь. И они увидели людей совершенно другими – такими, какими они были на самом деле. Иногда пьющими, иногда усталыми, несчастными. Это был необычайный эстетический шок. После того, как известный ленинградский фотограф Подгорков запечатлел сцену в рюмочной, его арестовали и уволили из газеты «Моряк Балтики» как идеологического диверсанта и сказали, что нужно «знать», что снимать.

Авторы прибегают к языковой рефлексии (будь то язык литературы или искусства фотографии), которой подвергают распадающуюся ткань советского мира. Они отражают кризис языка советской эпохи, в котором означаемое не соотносится с означаемым. Человек существовал и формировался в пространстве языка, но постепенно появилось недоверие к слову: считаясь «высшей правдой», оно не смыкалось с действительностью.

- Лопнула труба,

Дело мое труба!

- Гражданин,

ИО ОБЛ СОВ ПРОФКОМпросы

Не решают такие вопросы.

Вы обращались в ГОР КЛОП ВОШЬ ВКРЕД?

- Нет.

- А в ДУР ЗДРАВ ГНИД СБЫТ?

- Я был там избит.

- А вы были в СОВ ПУПЕ?

- Нет, но я был в СОВ ПОПЕ.

Только пишете сокращенно -

Не товарищ, а просто ТОВ. [Григорьев. Заявление (Аббревиатура), С. 176]

Заявление, которое пишет герой стихотворения, вскрывает всю дефектность языка советского времени: текст целиком состоит из обрывков слов, кусков, букв. Создается впечатление постоянного прерывания говорящего, отсутствия возможности высказывания, полностью написанным остается только название официального документа:

- ЗАЯВЛЕНИЕ ОТ ТОВ ГРИ –

Е МА БЫ В ПРИ,

А ТУТ ГО ПРИ,

ВЫ ПО ПОЛ БА,

ТУТ-ТО И ЛО ТРУ.

Далее действие напоминает пьесе Ионеско «Лысяя певича», когда диалог строится из слогов и звуков, фразы созданы по стандартным моделям, а говорящие не понимают и не слушают друг друга.

ТУТ

Е

ПРИ

МА
БИМ
ЧЕРЕЗ
ОП
ЛЯ... [Григорьев, С. 176]

И этот и многие другие тексты Григорьева показывают неистинность слова, несоответствие слова и дела и разрушают автоматизм восприятия каких-либо шаблонных фраз, действий, высвечивают антиидеалы действительности, советской повседневности.

В текстах Григорьева и в фотоискусстве данного периода отражается формирование нового художественного языка XX века, несмотря на всю девиантность творчества, оно утверждает гуманистические ценности, хоть и апофатически, это новый тип художественной рефлексии, который существует как альтернатива принятому в обществе способу мышления и поведения. А совмещение в одной книге материалов о жизни автора, его стихотворений и прозы и фотографий – которые становятся иллюстрацией не только творчества, но и жизни поэта, и, пожалуй, жизни всего поколения – являет собой весьма успешную издательскую стратегию по созданию единого художественного целого.

Литература

Григорьев, О. «Птица в клетке» / О. Григорьев. - СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005.